

Вырезка из газеты ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА

от 9 апреля

1983 г.

г. Москва

Н А Ч А Л О

1

Сегодня большая актерская семья с особенной радостью вспоминает о солнце, взошедшем на русском театральном горизонте, — о великом драматурге Александр Николаевич Островском, который родился 12 апреля 1823 года — 160 лет тому назад.

Мне особенно дорого это имя, потому что оно связано с нашей семьей — дружбой Островского с Рыжовыми, которая протекала более полувека.

Началась она с его любви и восхищения талантом Варвары Бороздиной — моей прапрабабки. Островский говорил, что «Варвара Бороздина — моя ученица и воспитанница». Для нее он написал роль Варвары в «Грозе».

Александр Николаевич был дружен и с актером Малого театра, моим дедом Николаем Игнатьевичем Музилом, которому всегда давал в бенефис свои новые пьесы. Дед, в свою очередь платил Островскому за любовь блестящим исполнением ролей, в его пьесах, как больших, так и маленьких, эпизодических ролей, если это было нужно драматургу. Недаром Александр Николаевич говорил: «Какой тон у этого артиста — сама жизнь. Жаль — роль мала — негде Музилю развернуться».

Да позволит мне читатель в канун 160-летия со дня рождения А. Н. Островского прибегнуть к воспоминаниям

2

актрисы, которая слышала его, видела, встречалась и навсегда сохранила в своей памяти его облик. Речь идет о моей матери — народной артистке Советского Союза Варваре Николаевне Рыжовой.

Ей удалось, и, к великому счастью, много раз, слушать Островского в доме ее отца — Н. Музиля. Александр Николаевич приезжал к нему читать свои новые пьесы. Вот что рассказывала мне об этом Варвара Николаевна:

— Мы с сестрой Лелей, нам было тогда лет по двенадцать, как только узнавали, что вечером должен приехать Александр Николаевич, чтобы читать новую пьесу для бенефиса отца, заранее потихоньку пробирались в гостиную. Здесь еще никого не было, и мы залезали под небольшой круглый столик, до полу накрытый плюшевой скатертью. Было там, правда, и душно, и темно. Но зато у нас была возможность слушать чтение любимого Островского. А читал Александр Николаевич замечательно. Каждую пьесу поразному — особенно ему удавались женские роли. Я как сейчас слышу его плавную, яркую речь, его интонации...

Очевидно, острое восприятие этого чтения девочкой Варенькой Музиль сыграло большую роль в формировании будущей великой старухи Малого

3

театра — В. Н. Рыжовой. В ее сочной, яркой московской речи звучала воспринятая ею с детства музыка речи великого Островского.

Как-то, перебирая свой семейный архив, я нашел полувыцветшую фотографию. На берегу речки Куекши в шляпе сидит с двумя удочками дед Музиль, рядом с ним две девочки — Варенька Музиль и ее сестра Леля. Я показал матушке эту фотографию. Она посмотрела ее в лупу и расплакалась.

— Мама, что с тобой, почему ты плачешь? — спросил я.

— Колюшка, — ответила она, — я вспомнила эту рыбную ловлю. Очень давно это было, очень... Мне было тогда лет четырнадцать, но я хорошо помню, как сюда, к этому месту, чуть попозже приходил, и тоже с двумя удочками, Островский. Усядется он, бывало, на складном стульчике, забросит удочки и начинает беседовать с дедом. Говорят тихо, чтобы не спугнуть рыбку. Но нам с Лелей была слышна их беседа. Островский говорил о новых пьесах, мечтал о «дешевом театре для народа», о перестройке репертуара Малого театра. Он этим жил, без этого не мог существовать ни одного дня.

Но вот ведро было полно ершами, плотвой и окуньками, и мы торжественно шли домой. Я гордо шла вперед

4

ди, неся ведро с уловом. На террасе нас ждала Мария Васильевна — жена Александра Николаевича. Она уносила в кухню улов, и на обед на стол ставился супник с любимой Островским ухой из ершей.

— Знаешь, Коля, — продолжала мама, — я всегда, когда потом каждое лето приезжала отдыхать в Щельково Костромской области, любила приходить на берег Куекши. Запомнила я место этой рыбной ловли по большому валуну, за которым росла тогда маленькая березка. Камень-валун этот остался такой же, как был. А вот вместо той маленькой березки выросла большая, развесистая плакучая береза. Я всегда долго сидела под ней и вспоминала свое детство. И как будто рядом со мной сидит и удит рыбу дорогой наш Александр Николаевич...

Мать необычайно тепло рассказывала эту небольшую трогательную историю. И сегодня мне особенно радостно сознавать, что нашей актерской семье выпало большое счастье — быть согретой неизменной дружбой, теплом и любовью великого русского драматурга Александра Николаевича Островского.

Н. РЫЖОВ,
народный артист СССР.